
Е. И. СИЛЬНОВА

ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРАЗ РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Традиционный облик России неизменно связывается с напряженным поиском национальной идеи. Вопрос о «правде жизни», стремление к нравственной правоте бытия, пониманию мира и преобразованию его в соответствии с принципами справедливости пронизывают всю историческую жизнь русского народа с древнейших времен. Поэтому понять историческую российскую реальность в соотношении с современной действительностью невозможно без обращения к духовной традиции русского народа.

Начало формирования традиционной идентичности древнеславянского этноса наблюдается еще в догосударственный период. Так, в «Книге Велеса», священном славянском предании «времен доисторических», находим «завет Отца Ария» (Арий – могущественный лидер-вождь арийцев-праславян, их первопредок, впоследствии отождествлявшийся с Богом, в том числе и Велесом): «Все необходимое для жизни мы производим своим трудом». Так еще в древности славяне определились в системе «общественного разделения труда», «захотев стать огнищанами и земледельцами», «землю пахать, а также сеять зерна»¹. Подразумевается, что тем самым ими был взят курс на экономическую самостоятельность и независимость, сопрягающийся с национальной этикой «нестяжания», ориентацией не на получение прибыли, а на удовлетворение текущей необходимости. На геополитическом языке это означало «жить за счет собственных ресурсов». Это была идея жизни земледельческих народов, их «правда», выработанная самим образом повседневного существования.

В период государственного и политического строительства Руси складывается новый образ страны, связанный с принятием хри-

---

¹ Свято-Русские Веды. Книга Велеса / пер. А. И. Асова. – М, 2005. – С. 253.

стианства, что потребовало от новой веры обоснования более высокого единства ее населения, чем уходящее в прошлое чувство общеславянского родства. Эту миссию выполнил митрополит Киевский Иларион в сочинении «Слово о законе и благодати». В нем, как принято считать, вполне сформировался идеал Святой Руси².

Святая Русь предстает как пространство для мессианской идеи возвращения и воспитания «нового», «свежего» народа, могущего «вместить» высокие христианские истины. Главным в «Слове» является мысль о построении государства не на основе закона как достижения общественного порядка путем жесткого социального принуждения, а с помощью приобщения к «благодати» – символу народного согласия, принципа миролюбия в межэтнических взаимодействиях, образу высшего духовного развития.

Последующая идеологема великой имперской столицы «Москва – Третий Рим» выступит как вопрос об отношении России к Западу в связи с поисками ее собственных путей развития в мировой истории. Эта доктрина еще более утвердит Россию как единственное православное царство в мире и хранилище истин первоначального христианства³.

Образ традиционно православной страны станет доминирующим, несмотря на петровские преобразования и последующие социальные реформы прозападной ориентации. В отечественной философской мысли опыт построения и обоснования традиционного образа России представляется особенно плодотворным в контексте понятия соборности. Идея соборности нашла свое выражение в славянофильстве – главном направлении русской философской мысли середины XIX в.⁴ Эта идея связывалась с церковным Собором как собранием духовенства и мирян, выражающим фактом своей солидарности идею «единства во множестве». Согласно учению А. С. Хомякова, соборность есть принцип духовного единения людей⁵. Этимологически само это слово означает идею собрания. Соборность представляется как общность людей, объединенных

---

² Новикова, Л. И., Сиземская, И. Н. Русская философия истории. – М., 2004. – С. 19.

³ Послание старца Филофея к великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 441.

⁴ Цимбаев, Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). – М., 1986.

⁵ Хомяков, А. С. Соч.: в 2 т. – Т. 2: Работы по богословию. – М., 1994. – С. 5.

верой в православные ценности, гарантирующие духовную ценность личности и истинность познания, свободу каждого и единство всех.

Авторитетный русский философ С. Л. Франк называет учение Хомякова о церкви как живом духовном организме любви, в которой полнота индивидуальной свободы внутренне слита с конкретной реальностью духовной общины, гениальным. Хомяков и славянофилы понимают соборно-общинное чувство как ответственность каждого человека за все зло и несовершенство жизни. В этом принципе святого и свободного универсализма Хомяков видит истинный смысл христианства, искаженного Западом⁶.

Угасание духовности полагалось славянофилами возможным только по причине отпадения от искреннего воцерковления человека, поэтому полноценное духовное бытие не мыслится ими без соборной веры. В учении о Церкви А. С. Хомяков как раз и пытается указать путь преодоления утилитарности и индивидуалистического равнодушия человеческого существования. Он выступает за освобождение личности, за возвращение ее в сферу религиозной свободы, которую определяет как соборную по характеру своего формирования. Только в Церкви личность способна раскрыть свое внутреннее содержание и достичь нравственного совершенства.

Стремясь преодолеть свою ограниченность, личность вступает в контакт с другими людьми. Однако внешнее общение людей является только *условием* любви, которая возникает в случае спонтанного нравственного взаимопроникновения их душ. Значит, закон нравственной любви присущ не личности, а обществу верующих – Церкви, вне которой божественная благодать недостижима для человека. Лишь в коммуникации, в режиме реального общения вспыхивают «искры» взаимопонимания.

Итак, представление о России, сложившееся в контексте религиозного понятия соборности А. С. Хомякова, наиболее адекватно выражает идею внутреннего единства, основанного на свободе и любви, чем подчеркивается не только внешнее, видимое соединение людей в каком-либо месте, но и постоянная потенциальная возможность такого соединения. По мнению Н. О. Лосского, именно в

---

⁶ Франк, С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С. 153.

христианстве славянофилами была осознана сущностная и «неразрывная связь между любовью и свободой»⁷.

Славянофилы представили Россию в ее «православном церковном самосознании» – образе, которого в то время «в философски-богословском выражении просто не существовало», замечает Н. А. Бердяев⁸. Соборность подразумевает оцерковление социальной жизни. Общество, чтобы стать соборным, должно восстановить атрибуты первохристианской апостольской церкви начала новой эры. Приоритет России в этом плане как раз основывается на том, что православие (если пренебречь историческими искажениями) является единственным христианским вероисповеданием, сохранившим идею соборности.

В целом соборность славянофилов вмещает в себя и вполне светские, общечеловеческие ценности: свободный выбор жизненной ориентации, ответственность личности перед обществом за свое поведение, призыв к гармоничному сочетанию индивидуальных устремлений с общими целями, отрицание насилия в качестве гаранта единства, бережное отношение к национальным традициям, провозглашение приоритета духовности над вещно-материальными интересами, наконец, любовь к своему отечеству и ближним.

Понятие соборности одновременно подразумевает несостоятельность западноевропейского просвещения с его культом рационализма, индивидуализма и индустриального прогресса. Соборность служит этическим обоснованием приоритета русского народа в будущем историческом развитии человечества. Славянофилы стремились убедить русское образованное общество, что приближение к соборному устройению общества возможно, хотя произойдет это и не при их жизни.

Другая сторона идеи соборности связывалась у славянофилов с крестьянской общиной как первоосновой духовной и социальной эволюции. Следует признать, община идеализировалась мыслителями, приписывавшими ей качества хранителя высокого «народного духа» и истинного христианства – православия. Славянофилы обосновывали обусловленные существованием общины преимуще-

---

⁷ Лосский, Н.О. История русской философии. – М., 1994. – С. 59.

⁸ Бердяев, Н. А. А. С. Хомяков. – М., 1912. – С. 10.

ства России: сохранение народных традиций, неизменное право крестьян на землю, нравственную связь в общении людей, основанную на христианских заповедях, общественное воспитание крестьян путем их участия в самоуправлении общины.

Соборной философией славянофилы внесли неоценимый вклад в понимание мировых процессов и традиционного «лица» России, а категория соборности в их учениях, изначально отталкиваясь от конкретных философских сфер и реальной действительности, приобретает универсальное звучание в трудах преемника их мировоззрения В. С. Соловьева, преобразуясь в категорию *всеединства*. Эта категория, будучи по преимуществу онтологической, позволяет выразить определенный способ или строй бытия, причем в его целостности. Тогда бытие рассматривается как универсальное, всеохватывающее, включающее не только весь многообразный чувственно данный природный мир, но и мир трансцендентный, прикосновение к которому, возможно, приоткрывает тайну духовности русского народа.

В. С. Соловьев вслед за славянофилами признает нравственно-религиозный образ и идеал России – *святую Русь*. При этом мыслитель подчеркивает, что эта «святость» как особенность народного идеала не есть только отрешение от мира и жизнь в Боге: святость в этом смысле исключительно *аскетическая*⁹. Он настаивает на объединяющем значении церкви как утверждении единства народного самосознания. Это тем более необходимо, поскольку процесс государственного объединения при всей исторической необходимости привел к духовному одичанию народа, а также к отделению России от прочего мира, уклонению ее от вселенского христианского пути¹⁰. Поэтому ставится задачей оживление церковью всех сторон человеческой жизни, которая и должна состояться в теократическом идеале, «требующем одухотворения всего государственного общественного строя через воплощение в нем христианской истины»¹¹.

---

⁹ Соловьев, В. С. Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 5. 1883–1897. – СПб., 1903. – С. 51.

¹⁰ Там же. – С. 150.

¹¹ Он же. Три речи в память Достоевского / В. С. Соловьев // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 3. 1877–1884. – СПб., 1903. – С. 202.

Традиционный образ России у В. С. Соловьева включает в себя все основные архетипы русского национального сознания, связанные с самопожертвованием, братским дружеством, смирением, стремлением прекратить всякие междоусобицы, жить во Христе, иметь крепкую государственную власть и явить миру благодаря всему этому новую, доселе неизвестную цветущую всечеловеческую культуру. Однако этот образ страны в силу его религиозно-мистического характера уже не соответствовал объективным тенденциям развития российского общества, вступившего на рельсы индустриализации. Отечественные мыслители стремились обосновать традиционное видение России в сугубо православном ключе, что порождало противоречие между социокультурным универсализмом и религиозно-конфессиональным партикуляризмом, которое не разрешалось ни в «духовной соборности» славянофилов, ни во «вселенской теократии» В. С. Соловьева, ни «общим делом» Н. Ф. Федорова.

Размышляя об историческом призвании России, другой русский философ – С. Л. Франк также подразумевал такое *качество* общества, которое способно к историческому «выдвижению» и созданию гражданского, то есть ответственного, социума. Он представил светский вариант национального облика России, неизменно подчеркивая важную роль гражданского общества в достижении общественного единства. Государство и гражданское общество, пояснял он, тесно связаны, но государство есть начало планомерности в общественной жизни, а гражданское общество есть начало спонтанности и свободы¹². Функции гражданского общества также не сводятся только к удовлетворению эгоистических целей индивидов, так как оно есть форма свободного общественного сотрудничества для достижения сверхиндивидуальных целей общества как единства. Задача государства состоит в том, чтобы «организовать свободу» и создать условия для процветания гражданского общества, которое мыслилось в перспективе как идеал.

В построении своего социального идеала Франк был убежден в том, что в лучшем государстве следует избегать двух крайностей: принижения роли гражданского общества и чрезмерного усиления

---

¹² Франк, С. Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 115.

функций государства. Общество само должно найти равновесие, «срединную линию» жизни между двумя этими тенденциями. Сущность общественной жизни мыслитель раскрывает в соборности, смысл которой – в выявлении заложенного принципа любви к ближнему, в воплощении полноты божественной правды и добра как онтологически укорененных начал. В теории социального строительства Франк попытался соединить апробированные в историческом процессе религиозные принципы и реальные начала светской государственности.

Реформы второй половины XIX в. втягивали страну в капиталистические общественные отношения. Формировался не только новый способ производства, но и происходил определенный цивилизационный сдвиг, затрагивающий все стороны бытия пореформенной России. Образ России характеризуют производящиеся «сверху» преобразования, ломавшие традиционную культуру: развитие рыночных отношений, индустриализация и рост городов, ликвидация крепостного права и начало разложения общины, судебная и земская реформы, разнообразие политических форм. На этом социальном фоне вырисовывается оппозиционная ипостась традиционного облика России, связанная с поклонением вольнице и стихийному духу свободы, которые подспудно присутствовали в массовом сознании, исторически выражаясь в явлении казачества и протеста против усиления экономического закрепощения.

Виртуальный запрос масс нашел свое выражение в анархических учениях XIX в. Так, по мнению теоретика русского анархизма П. А. Кропоткина, «анархизм представляет собой ...творческую созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения народного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства»¹³. Анархия – идеал масс. Никаких властей, владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, каждому отдельному лицу свобода действий для развития своего, личного, особенного; никакого навязывания действий под угрозой общественного наказания или сверхъестественного общественного возмездия – вот к чему призывал Кропоткин¹⁴.

---

¹³ Кропоткин, П. А. Свободная наука и анархия / П. А. Кропоткин // Хлеб и воля. Свободная наука и анархия. – М., 1990. – С. 246.

¹⁴ Там же. – С. 287–288.

Главная критика анархизма была направлена против государства, сосредоточения власти в одном центре. Кропоткин – противник всякого централизованного государства. В государстве он видел только союз эксплуататоров для эксплуатации народных масс. Идеалом общественного устройства для Кропоткина является федерация или свободный союз свободных самоуправляющихся коммун и общин. Тот потенциал единения общества, который славянофилы и их последователи выразили в категориях соборности и всеединства, приобретает в теории Кропоткина нравственно-практическое «звучание» в «законе взаимной помощи». Последний, выступая фактором эволюции и прогресса, не отвергает закона «борьбы за существование» и самый факт борьбы в мире живых существ. Кропоткин, ставя на первое место творческий фактор, взаимную помощь и солидарность, видел в этом лишь более этический, прогрессивный и действительный способ борьбы за существование.

Россия представляет сегодня традиционное общество, которое частично модернизировано, частично – разрушено. Традиционная, современная и разрушенная части не являются изолированными, противостоящими друг другу сегментами, а существуют совместно и одновременно. Нарастающий объем разрушений проникает в традиционную и модернизированную сферы, производя дальнейшие разрушения и там, а не только в своих собственных пределах. В этих условиях трудно модернизировать традиционную часть, и уж совсем не поддаются ни модернизации, ни традиционализации разрушенные фрагменты социального целого. Модернизация требует жертв, люмпенизированное население не может быть готово на жертвы, ибо оно самое есть жертва происходящих разрушений. Жизнь в традиционном и современном обществе требует самоуважения, ибо потерявшие самоуважение люди и народы не могут полагаться на собственные силы.

Несомненно, что традиционный образ России, базирующийся на духовно-целостной основе общечеловеческой ментальности – соборном самопонимании, наиболее выразительно представленный в русском национальном характере, вошел в столкновение с мировой глобализирующей реальностью. Духовный, моральный и интеллектуальный стержень, который создавался в процессе форми-

рования русского народа и способствовал его сохранению и развитию, ныне испытывает «проверку на прочность».

Утверждая правду, всеобщее братство, соборность и спасение, «русский мир» не жалел своих сил и потому в отличие от других «миров» уделял меньше внимание своему земному обустройству, не преуспев в попытках построить идеальное общество в эмпирической истории. В целом для российского народа исторически характерна приверженность нематериальному образу жизни: нацеленность в повседневной деятельности не на прибыль, а на «простое воспроизводство», поддержание повседневного существования. В России закрепился аскетический идеал самоотвержения, несущий позитивное начало «в условиях ограниченных материальных, природных и социальных ресурсов». Будучи «конструктивным в качестве лично выбранного мотива поведения», аскетизм не может быть таковым, если «общественно навязан и декретирован»¹⁵. В условиях нарастающего экономического потребительства в мире российский аскетизм не решит проблемы жизнеобеспечения других стран.

В настоящее время устоявшийся образ жизни в России нуждается в некотором обновлении, выработке новых форм, что, с одной стороны, смогло бы сплотить и вдохновить наше общество на новые великие свершения и стать противовесом политике глобализма, вовлечению современных стран в иерархию глобальной макроэкономической сети, где присутствует разительное неравенство в концентрации стратегических ресурсов и возможностей действий. Россия неоднократно становилась спасительницей человечества от попыток насаждения диктата со стороны претендентов на мировое господство. Сегодня локомотивы глобализации базируются на западной модели цивилизации, включающей процессы секуляризации и культ «золотого тельца», о чем свидетельствует главенство финансового капитала в мире. Нематериальная жизненная ориентация России, «подпитанная» православной традицией, находится в прямом противоречии с самим характером процесса глобализации.

С другой стороны, противостояние глобализации грозит замкнуть Россию в ее государственно-национальном изоляционизме от

---

¹⁵ Козловский, В. В., Уткин, А. И., Федотова, В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. – СПб., 1995. – С. 110.

остального, «преуспевающего», мира. Мировая отверженность, ощущение утраты будущего, потеря перспективы и ожидание еще большей нестабильности существования делают проблематичным как таковое рассуждение о русской идее и смысле жизни для России. Если мы хотим опровергнуть разного рода апокалиптические предсказания, то должны обратиться к исходным принципам жизни, жизнеспособности, а не смерти и всеобщего умирания. Несомненно, что избавление от господства глобальной сети будет невозможно без подготовки для этого процесса почвы на локальном уровне. Достичь этого возможно, лишь определив достойные условия для жизни страны, обеспечив доступ к жизнеобеспечивающим ресурсам и создав эффективную систему принятия решений на всех структурных уровнях. При условии, что участие в данном процессе не будет изначально спонтанным, страна сможет взять на себя жизненно важную роль сознательного и ответственного определения горизонтов своего развития. Современная ситуация в мире вынуждает Россию избрать эгоцентристский путь созидания собственной идентичности, что нацеливает на выявление ее внутреннего потенциала и возможностей. Поэтому становится важным найти здоровый баланс между традиционным и современным, национальным и общечеловеческим. В этом напряженном поиске, как предполагается, и будут состоять перспективы российского будущего.